Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элиз Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 10. ОКТЯБРЬ, 1920 г. № 10.

Содержание: Немного истории.—Классовая борьба.—Кого наказывают?.

НЕМНОГО ИСТОРИИ.

Трудно себе представить что-либо более фантастическое, более *придуманное*, чем современный государственный строй России, а между тем он имеет глубокие корни в русской истории. С того времени как царь-плотник положил начало обновлению России личным трудовым примером и диктаторской властью, попытки облагодетельствовать русский народ централистическими приемами не переводились.

Одну такую попытку и ея результаты следовало бы напомнить нашим *практикам* государственного социализма. Она поучительна тем, что касается близкого к сердцу „экономических материалистов" хозяйственного быта народа и не носит характера классовой заинтересованности.

Вот как описывает это историческое событие несравненный летописец прошлого века А. И. Герцен:

„Крестьяне Казанской и долею Вятской губернии засеяли картофелем поля. Когда картофель был собран, министерству пришло в голову завести по волостям центральные ямы. Ямы утверждены, ямы предписаны, ямы копаются, и в начале зимы мужики, скрепя сердце, повезли картофель в центральные ямы. Но когда следующей весной их хотели заставить сажать *мерзлый* картофель, они отказались. Действительно, не могло быть оскорбления более дерзкого труду, как приказывать делать явным образом нелепость. Это возражение было представлено как бунт" (Собр. соч., т. II, стр. 203).

Таков скромный исторический дебют государственной власти, руководящей сельско-хозяйственным производством. Ныне это начинание разрослось в сложную организацию В. С. Н. Х. с его главками и центрами, так едко высмеянными Демьяном Бедным в сатире „О дохлой кобыле".

Забытое имя этого министра, основоположника государственных забот о народном хозяйстве, этого предтечи марксистского развития мужицкой России—Киселев...

Но не об одних материальных интересах народа заботилась в те времена центральная власть. Она пеклась также об умственном преуспеянии народа. Вот как характеризует тот же летописец эти заботы: „Взявши все монополии, правительство взяло и монополию болтовни, оно велело всем молчать и стало говорить без умолку" (Собр. соч. Герцена, т. II, стр. 231).

Таково историческое зарождение нашего Государственного Издательства.

А средства, которыми осуществляется у нас ныне социализм?

Средства тоже завещаны нам Петром I.

„Один из самых печальных результатов петровского переворота,—это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать кроме „служения", ничего не знающий кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов жадных и нечистых" (т. II, стр. 188).

Подобно тому как в конце XVIII века „жадные и нечистые" рты третьего сословия заполонили Великую Французскую Революцию, так и у нас те же рты чиновничества поглотят социальную революцию. Тогда „в терроре 93, 94 года выразился внутренний ужас якобинцев: они увидели страшную ошибку, хотели ее поправить гильотиной" (Герцен, соч., т. III, стр. 98).

Не тем ли безплодным приемом террора хотят исправить свою роковую ошибку и наши революционные якобинцы?

История тем полезна, что дает поучительные уроки для избежания новых ошибок. „Жадные и нечистые рты" наводнили наши ряды и засосут нас самих, если мы во-время не освободимся от них новой, *децентралистической* революцией.

Как-то раз Бакунина спросили, что он будет делать когда осуществятся его идеалы?

—Я начну их разрушать—ответил он.

Никогда социальные новаторы не располагали бо́льшей полнотой власти и дольшим сроком для осуществления своих идеалов, чем большевики в России. Государственные приемы социального строительства дали все то, что они *могли* и *должны* были дать.

Чичерин уверяет Ллойд Джорджа, что многие идеалы социализма осуществлены в России. Но ведь мы-то чувствуем, что они никуда не годятся!

Не пора ли большевикам последовать завету истинного революционера, Бакунина,—*начать самим их разрушать!*

КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Борьба классов является краеугольным камнем в программах социалистических партий и, в частности, анархистской пропаганды. А между тем нет понятия более расплывчатого, чем *общественный класс*. Это обстоятельство, понятно, не могло не отразиться на практических проявлениях деятельности проповедников общественного обновления на началах справедливости. Если бы они дали себе больший труд глубже вникнуть в сущность классовых расслоений общества, то сколько варварских, бессмысленных и кровавых явлений, —как массовые расстрелы противников и заложников или бросание бомб в людных кафе и музеях,—не могли бы позорить великое учение общечеловеческой солидарности и взаимной помощи.

Из основного закона истории,—из борьбы классов,—современные проповедники и деятели социалистических учений делают вывод, что есть классы трудящиеся, *производящие* и классы *паразитарные*, ничего общественно полезного не творящие, а лишь потребляющие плоды трудов первых.

Так ли просто на самом деле?

Чтобы понять сущность классовой борьбы и, следовательно, делать из этого основного закона правильные практические выводы, нужно выяснить откуда произошли классы и *как они видоизменяются*.

„Надобности повседневной жизни",—говорит Элизе Реклю в своем историческом труде о „Человеке и Земле" (стр. 72 рус. перевода),—„требовали чрезвычайно разнообразного труда, а это разнообразие труда создало разнообразие типов людей".

Разнообразие труда создало не только этнические, но и общественные типы или *классы*. Уже само происхождение классов указывает на их трудовую, общественно полезную природу.

Классификация людей на основании общественных контрастов, в основе которых яко-бы лежит усиленный труд одних и праздность других, имеет прежде всего тот существенный недостаток, что в ней не находит место вся огромная *преобладающая* масса промежуточных слоев.

Богатство и бедность понятия относительные. Для нищего скромное положение сельского учителя тоже покажется завидным. Сколько можно указать приходских священников, особенно в глухих деревнях, семьи которых влачат жалкое существование. А ведь духовенство в целом принято считать самым типичным эксплуататорским классом.

Разве плачевная практика русской якобинской социальной революции не произвела новый класс „деревенской бедноты", противопоставленный трудовому крестьянину, даже если последний не пользовался и не пользуется наемным трудом?

Относительны также понятия о *труде* и *праздности*.

Пусть для городских атеистов, которым доступны художественные театры, церковь не нужна. Но у простого народа есть тоже свои эстетические и духовные потребности. Если священник удовлетворяет эти потребности своим блестящим облачением, более или менее музыкальным пением, декламациями о трагической жизни Исуса Христа и разных пророков и святых,—этих революционных новаторов былых времен,—то можно ли назвать этого, слишком вульгарного для развитых людей артиста, праздным паразитом?

Не даром современный театр возник из религии. До сих пор на мусульманском востоке, по образцу древнего театра, посреди площадей воздвигаются эстрады и на них, в известные сезоны (на подобие наших театральных сезонов) разыгриваются религиозные мистерии.

Чем же виноват сельский священник, что в деревне сохранился, на ряду с примитивной обувью,—лаптями,—и примитивный театр, обслуживаемый им, артистом этого театра?

Если вдумчиво всмотреться в роль нисшего духовенства в жизни народа, то окажется, что этот класс,—пусть он исжит более высокой культурой,—не столь паразитарен, как кажется с первого взгляда, так как сейчас деревенской народной массе не доступны более высокие эстетические зрелища.

Если затем разглядеть расслоение самого духовенства на благоденствующих высших и на нередко бедствующих нисших, и взвесить глухой антагонизм между ними, —антагонизм, заглушаемый дисциплиной и страхом лишиться куска хлеба,—то невольно выступает вопрос: где же здесь класс, единый в своих интересах?

Общность интересов не является характеризующим признаком класса.

Подобное же расслоение и противоречия в интересах наблюдаются и в других мнимо однородных классах.

Возьмем хотя бы пролетариат. Если под *пролетарием* понимать человека, продающего свою рабочую силу, умение и знания, то какая огромная разница между положением чернорабочего, мастерового и техника с высшим образованием, все трое продающих свою рабочую силу быть может одному и тому же частному хозяину или государству!

Эта разница не остается об'ективным фактом, не мешающим классовому об'еди-

нению пролетариата. Она проявляется реальной борьбой между разными расслоениями его. Русская революция, по грубой разнузданности народных нравов, вскрыла этот антагонизм рядом жестоких насилий над техническими работниками, доходившими нередко до зверских убийств. Огульные гонения на работников умственного труда служат доказательством того, что это не было случайным, эпизодическим явлением в малосознательной среде. Наконец, не характерно ли, что Всероссийский Совет Профессион. Союзов упорно отказывает в регистрации профессиональным союзам медицинских и зубных врачей? А между тем, можно ли себе представить более тяжелый и ответственный труд, чем труд врача*)?

Где же здесь класс трудящихся, единый в своих интересах, противоположный классу эксплуататоров? Без классового об'единения возможна ли классовая борьба в том виде, как общепринято это понимать?

Подобные же контрасты наблюдаются и в других классах. Возьмем хотя бы помещиков. Какая огромная разница между помещиком, лично ведшим хозяйство, вводившим всякие усовершенствования, новые виды плодовых деревьев и полезных растений, лучшие породы удойного скота, лошадей и т. д.—и все это перенималось постепенно населением, распространялось в округе и далеко за ея пределами,—и другим помещиком, получавшим только аренду и прожигавшим жизнь в городе или где-то там, на заграничных курортах?

Чтобы оценить всю общественно-полезную роль хозяйственных помещиков, достаточно сравнить породы скота у швейцарских крестьян, или даже у крестьян центральной России, с жалкими вырождающимися породами коров и лошадей у крестьян Закавказья, где образцовые помещичьи хозяйства большая редкость. А ведь современная проповедь классовой борьбы сваливает всех помещиков в одну кучу безполезных эксплуататоров.

Возьмем затем капиталистов. Какая огромная разница между капиталистом, непосредственно руководившим своей фабрикой или заводом, неустанно следившим за ходом работ, обдумывавшим и вводившим разные улучшения в технической постановке производства, заботившемся о своевременной заготовке сырья и топлива, порой также запасов продовольствия для рабочих, и другим капиталистом, отрезывавшим только купоны ножницами от своих акций! А ведь отрезывал и до сих пор в капиталистических странах отрезывает купоны средний обыватель, кое-как сводящий концы с концами основным личным заработком.

Опять можно задать вопрос: где тут единый класс капиталистов? Можно ли назвать безполезной, исключительно паразитарной распорядительную роль хозяина, его знания и опыт? Разве даже сами большевики, эти разрушители без оглядки всей хозяйственной жизни страны, не оставили под руководством, явным или замаскированным, Прохоровых, Брокаров, Сытиных и их „буржуазных“ управляющих налаженное ими же производство?

Общественный паразитизм в прямом смысле слова явление сравнительно редкое и далеко не классовое. Паразитарные элементы наблюдаются во всех слоях общества, в так называемых нисших не реже, чем в высших. Жажда наживы, любостяжание, безделье, преступления, пьянство, разгул, страсть к азартным играм не составляют привиллегию только привиллегированных классов. Трудовой капиталист с таким же пренебрежением относится к паразитарным элементам своего класса, как и рабочий к своему товарищу-пропойце, как всякий душевно здоровый человек относится к безполезному тунеядцу. Все классы тесно переплетаются между собой и вы встретите в одном и том же классе, будь то „высшие“, т. е. привиллегированные, или нисшие—чернорабочие, как общественно-полезные, трудовые качества, так и паразитические стремления. Строгое разделение общества на классы трудовые и праздные, эксплуатируемые и эксплуататорские—практически невозможно и при попытке провести в жизнь создает то застойное состояние, ту хозяйственную и моральную разруху, которые мы переживаем теперь и которые ведут с чрезвычайной быстротой к всеобщему понижению культуры.

Но если нет паразитарных классов в целом, то какая же причина общественных контрастов?

Причина в том, что не все общественно-полезные профессиональные категории извлекают равномерные выгоды из своего труда.

Владельцы больших капиталов, или распорядители ими, крупные землевладельцы, сановные чиновники былых времен и нынешние „ответственные работники“ люди получившие высшее научно-техническое или артистическое образование находились или находятся в относительно привиллегированном положении, чем средние слои ремесленников, кустарей, крестьян, серых чиновников, народных учителей и т. д. Последние составляют своего рода аристократию

*) Любопытно отметить, что московский профессион. союз зубных врачей, особым параграфом своего устава, закрыл доступ в союз дантистам, пользующимся наемным трудом, и все-таки не добился регистрации.

по сравнению с чернорабочими, не владеющими ни средствами, ни особенными профессиональными знаниями, ни образованием.

Таким образом социальное неравенство вытекает из неравенства между профессиональными слоями населения и то, что принято называть классовой борьбой в сущности есть борьба одних профессиональных об'единений и слоев за удержание своих преимуществ или за их расширение за счет других.

Борьбу классов нужно понимать преимущественно в переносном смысле слова, как Дарвин понимал—на это указывает Кропоткин—борьбу за существование. Об'единение классов или *искание равновесия между ними*, такой же закон общественного развития, как и взаимная помощь для биологической эволюции. При общественном равновесии, классы, умственно более развитые и морально более об'единенные, пользуются преимуществами, привиллегиями. Так даже в „социалистической" России, *по официальным тарифам* рабочие разбиты на свыше 30-и категорий и „квалифицированный труд" высших чиновников в бюрократической иерархии оплачивается вдвое больше, чем труд чернорабочих (уж не говоря о более существенных косвенных преимуществах).

Преимущества одних профессиональных расслоений или классов не могли бы превратиться в тунеядство и эксплуатацию, а напротив, как проявление успеха в общественном разделении труда, служили бы общему благоденствию, если бы не одна особенность человеческого общежития, невыгодно отличающая его от животных обществ.

Классы более развитые стараются увековечить свои преимущества особой школой дрессировки и подчинения остальных классов,—школой, называемой *государством* или правительственной властью.

Только благодаря государственной системе прогрессивный закон классовой борьбы вырождается в разрушительные гражданские и международные войны.

Практический вывод из всего выше изложенного тот, что борясь за уничтожение неравенства и упразднение привиллегий, мы должны искать справедливое *равновесие* между профессиональными об'единениями и слоями, а не стремиться к господству одной части населения—пролетариата физического труда—над всем обществом.

Всякое господство неизбежно ведет к созданию новых привиллегий и нового паразитизма. Господство пролетариата не может иметь иных последствий. Современный строй России наглядно доказывает это.

Путь к разрешению социального вопроса не в неосуществимом упразднении классов и вместе с тем их соревнования—этого залога общественного прогресса,—а в устранении организации, тормозящей свободное развитие и устанавливающей господство одних классов над другими, т. е. в уничтожении государственной власти.

КОГО НАКАЗЫВАЮТ?

Советская печать часто говорит о хозяйственной разрухе, оставленной „четырехлетней империалистической войной", но она никогда не упоминает о нравственном из'яне, унаследованном нами от старой государственности.

Речь о правосудии. Не о политических преступлениях, конечно. По отношению к ним большевики откровенны. Они не скрывают, подобно буржуазным правительствам, что „судебная власть во всех политических процессах действует за одно с правительством", как давно установил Герцен. Мы говорим о самом обыденном карании.

Кого наказывают народные и революционные суды, равно как и административные власти, налагающие разные возмездия, начиная от простого штрафа вплоть до смертной казни?

„Принято вообще полагать, что закон наказывает преступника, налагая на него всякие физические и нравственные мучения", говорит в своих „Записках революционера" Кропоткин, вспоминая о своем заключении в центральной тюрьме в Клерво. „Но человек—существо, привыкающее мало-по-малу ко всяким условиям жизни. Если он не может изменить их, он принимает их, как неизбежное, и мало-по-малу приспособляется к ним, точно так же, как он привыкает к хронической болезни и становится нечувствительным к ней. Но что приходится во время его заключения на долю его жены и детей,—людей ни в чем неповинных? Закон карает их еще с большей жестокостью, чем самого преступника. И при нашей косности мысли и рутине, никто никогда не подумает даже о той великой несправедливости, которая творится. Я сам не думал об ней до тех пор, покуда действительность не выдвинула предо мной факты во всей их полноте".

А ведь многие из нынешних власть имущих сами тоже сидели в тюрьмах или потеряли близких, казненных руками царских палачей. Отчего не подумают хоть они о невинно наказуемых?

И если даже завтра они придумают выдавать семьям преступников карточки „Черной Звезды", то ведь карточек морального возмещения для них за страдания или потерю близких им не придумать!

К сведению читателей.

„Почин" высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№*.

—При этом № рассылается листовка: Элизе Реклю, „Основные законы истории".

—Рабочий Союз Анархистов г. Москвы просит известить товарищей в провинции, что он исполняет поручения по приобретению и отсылке анархистской литературы. Обратиться: Москва, Большой Чернышевский пер., д. 18, кв. 2, т. Н. Павлову.

—Для поддержания органа редакцией получено от: т. т. из Духовщины 500 р., Новохоперска 100 р., Демидова-Поречье 500 р., Орши 1000 р., Гомеля 200 р., Петрограда 20.000 р., Переславль-Залеск. 600 р., т. Кирова 100 р., Н. П. 5.000 р., Собакевича 200 р., Зимницкого 400 р., Власова 3.775 р.. Спасибо всем.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, Коровий Вал, дом 16, кв. 14.

Тов. А. М. Атабекян.